

Лиана Файер

Любовь без преград

18+

Лиана Файер

Любовь без преград

<https://litres.ru/74335057>

SelfPub; 2026

Аннотация

Случайные встречи в костеле запускают опасный механизм. Между героями вспыхивает запретное, греховное притяжение. Девушка и ксендз отчаянно и долго борются со своими демонами: она до крови стирает колени на каменном полу, он до дрожи сжимает распятие, пытаясь заглушить голос плоти. Но чем суровее запреты, тем сокрушительнее становится лавина.

Лиана Файер

Любовь без преград

Глава 1

Когда мы венчались, я была абсолютно уверена: это навечно. Я любила Андрея той чистой, звенящей любовью, которая кажется бессмертной. Поднимая глаза на распятие в день нашей свадьбы, я без страха обещала быть с ним и в радости, и в горе, предвкушая долгую, тёплую жизнь вдвоём. Но сказка рассыпалась слишком быстро. Андрей остыл так внезапно, словно в нём просто выключили свет. Моя нежность, моя готовность отдавать себя наталкивались на глухую, вежливую стену его равнодушия. Постель стала холодной, а дом — молчаливым. Век живой, любящей женщины внутри меня был недолгим: я осталась одна со своим нерастраченным теплом. Тогда я, как примерная католичка, воспитанная в строгости и смирении, решила: в Божьем замысле не бывает пустоты. Если мне отказано в земном счастье, значит, эта невыносимая тишина — моя личная Голгофа. Мой крест. Я решила переплавить свою боль в щит для той, ради кого была готова на всё. «Господи, — молилась я на коленях, кусая губы, чтобы не разрыдаться от обиды на мужа. — Я принимаю этот холод. Я навсегда отказываюсь от плотской любви, от надежды быть желанной. Пусть эта моя земная смерть, эта

жертва пойдёт в уплату за здоровье мамы. Вымоли её, запримую плоть, раз она не нужна моему мужу». Я заковала себя в этот обет, как в броню. Полгода я жила как тень, гордясь своей мнимой стойкостью. Пока в костёле не появился новый, молодой ксендз. Он шёл через пресвитерии, поправляя белую комжу. Я подняла глаза — просто так, от усталости. И в этот момент он повернул голову. Наш взгляд длился всего секунду. Но в его глазах я вдруг увидела то, от чего так отчаянно бежала: живую, сокрушительную человеческую душу. Моя броня, выкованная из боли и смирения, дала глубокую трещину. «Господи, -шептала я, «помоги мне» ...

После мессы костёл стремительно пустел, унося с собой эхо шагов и шорох верхней одежды. Я вела дочку за руку к выходу, поплотнее завязывая её шарф от уличного сквозняка. Внутри у меня было привычно пусто и тихо: обет работал как анестезия, отсекая лишние мысли. Мы уже почти переступили порог, когда сзади раздался негромкий, мягкий голос.— Слава Иисусу Христу. Я вздрогнула и обернулась. Перед нами стоял он — тот самый молодой ксендз. Без литургического облачения, в одной чёрной сутане. Сердце испуганно пропустило удар, но я заставила себя ответить на приветствие. Я совершенно не помню, с чего именно начался наш разговор — память стёрла те первые, ничего не значащие вежливые фразы, словно они были лишь шумом ветра. Но в сознание намертво врезалось главное: он смотрел на нас с дочкой. Смотрел тепло, без той профессиональной

церковной отстранённости, к которой я привыкла.— Я заметил, что вы всегда вместе, — тихо произнёс он, переводя взгляд с меня на девочку и чуть улыбаясь.— Да, — голос подвёл меня, прозвучав чуть тише, чем хотелось бы. Я поправила капюшон дочке, просто чтобы занять чем-то дрожащие руки. — Мы ходим каждый день. Ксендз кивнул, и в его глазах промелькнуло что-то, очень похожее на глубокое уважение.— Да, — подтвердил он, глядя мне прямо в лицо. — Я каждый день вас вижу. Эти простые слова — «я каждый день вас вижу» — ударили меня сильнее, чем если бы он обличил все мои тайные мысли. В мире, где мой собственный муж месяцами проходил мимо, не замечая моего присутствия, моей боли и моего одиночества, этот чужой человек, облечённый духовной властью, зафиксировал моё существование. Он не просто смотрел со своего возвышения у алтаря — он всматривался. Внимательно. Ежедневно. В его коротком признании не было соблазна, но было нечто гораздо более опасное для моей брони — живое, искреннее внимание мужчины, который заметил женщину сквозь её материнство и её смирение. Я шла домой по замерзающей улице, крепко сжимая ладошку дочери, а в ушах колоколом звенело: он меня видит. Значит я живу, существую.

Глава 2

Вскоре костёл моего детства, хранивший тепло первых

молитв и тайну того короткого разговора, закрыли. Жизнь грубо вытолкнула меня из привычных стен. Мне было страшно: внутри меня уже разгорался пожар, который я не смела признать даже на исповеди. Одержимая желанием спасти свою душу, спасти маму и сохранить верность обету, я бросилась в религию как в спасательный круг. Направила всю свою нерастраченную земную энергию на чтение толстых духовных трактатов, долгие молитвы. Я пыталась выжечь в себе женщину, оставив только христианку. Дочке пришло время проходить катехизацию — готовиться к первому Причастию. Словно ведомая невидимой рукой, она сама выбрала себе катехетку. Эта строгая и мудрая женщина обосновалась в величественном костёле в самом центре города. Там же, в этих огромных каменных сводах, проходили и мои лекции. Круг замкнулся. Я ходила по гулким коридорам центрального храма, держа дочь за руку, и чувствовала странное, облегчённое умиротворение. Новые лица, бесконечные разговоры о Боге, конспекты, суэта... Мне казалось, что я победила. Что тот случайный, пронзительный взгляд молодого ксендза у старого костёла остался в прошлой жизни. Зарождающийся, опасный уголёк внутри меня казался надёжно затоптанным, залитым святой водой и засыпанным пеплом абсолютного послушания. Я снова обрела почву под ногами. Я была примерной матерью, образцовой католичкой, усердной прихожанкой. Я верила, что спасена от самой себя. Я ещё не знала, что угли, скрытые глубоко под золой, умеют

тлеть годами, не выпуская дыма — до первого случайного порыва ветра.

Глава 3

Память — милосердный, но хитрый свидетель: она стёрла для меня точную хронологию тех недель, словно защищая от собственной правды. Я не помню, знала ли я тогда, чьё имя стоит в расписании. Мой разум был чист, а намерения — безупречны. По иронии судьбы, в этом огромном костёле в центре города проходили мессы на английском языке. Для меня, филолога, это казалось идеальным совпадением. Я отчаянно искала свою нишу, своё особое место в этой новой церковной жизни. Мне нужно было чем-то подпитывать свой угасающий духовный огонь, и мессы на иностранном языке выглядели как прекрасный вызов и для ума, и для души. Моя профессия давала мне абсолютное, легальное право быть там. Я шла туда, ведомая невидимым, но мощным провидением. Я шла за языком, за профессией, за Богом. Но когда я вошла в неф и подняла глаза к алтарю, воздух в груди мгновенно застыл.

Тот самый молодой ксендз из костёла моего детства направлялся прямо ко мне.

Он подошел, и на его лице — обычно строгом и сосредоточенном — промелькнуло самое искреннее, человеческое удивление. Он явно не ожидал увидеть меня здесь, в этой

специфической, узкой нише. На секунду он замер, словно сопоставляя образ набожной матери из старого прихода с женщиной, которая пришла слушать литургию на английском. Но он не прошел мимо. Он снова заговорил первым. Я помню, как этот его шаг навстречу окончательно сжег все мои мосты. Мужчина, облеченный саном, который по всем правилам должен был держать дистанцию, сам сократил её. Его голос, только что звучавший у алтаря на чужом языке, теперь обратился ко мне — тихо, тепло и очень лично. Мы стояли посреди пустеющего нефа, и это его удивление, смешанное с радостью узнавания, сказало мне больше, чем любые богословские трактаты. Он подошёл мягкой, бесшумной походкой. Взгляд его светлых глаз был пытливым, в нём сквозило то самое живое удивление, которое я так боялась и так жаждала увидеть. — Какими судьбами? — спросил он по-русски, чуть улыбнувшись, но удерживая ту деликатную грань, за которую священнику ступать не положено. Сердце сделало кульбит, но я заставила себя ответить ровно, ухватившись за свою профессию, как за спасительный поручень: — Профессиональный интерес. Я переводчик. Я надеялась, что этот ответ прозвучит достаточно сухо и деловито, чтобы вернуть нас в рамки отношений «ксендз — случайная прихожанка». Но он среагировал мгновенно. Его глаза загорелись неподдельным интересом, словно он нашёл то, что давно искал. Он чуть подался вперёд и тихо, но уверенно произнёс: — О, так это же прекрасно! Может... вы Слово почитаете? На сле-

дующей мессе? У нас как раз не хватает чтецов с хорошим произношением. Воздуха в груди вдруг стало мало. Читать Слово Божье с амвона, у алтаря, на английском языке... стоять там, где стоит он, и звучать с ним в один такт. Это было безумием.

Каждая ступень, ведущая к амвону, казалась мне крутым подъемом на Голгофу. Я шла, чувствуя, как предательски и крупно дрожат ноги под подолом юбки. Профессиональный переводчик, привыкший к чужим аудиториям, в этих стенах я вдруг превратилась в незащитную девочку. Всё пространство костёла сузилось до размеров этой небольшой каменной кафедры, за которой мне предстояло звучать. Я положила руки на тяжелые страницы Лекционария, но пальцы не слушались, а строчки на английском языке расплывались перед глазами. Внутри всё кричало о том, что мне здесь не место, что моя тайная страсть и мой нерушимый обет быются друг об друга прямо сейчас, на глазах у Неба. Когда я произнесла первые слова, собственный голос показался мне чужим. Он срывался, дрожал, вязнул в прохладном воздухе храма. Я физически ощущала, как под сводами повисла звенящая тишина. И где-то там, у алтаря, стоял он — тот, ради чьего доверия я сейчас совершала это насилие над собой. Я заставила себя сделать глубокий вдох. Моя воля, годами закалявшаяся в холодном, безответном браке и в молитвах за маму, включилась как спасительный механизм. Я собрала всю оставшуюся внутреннюю силу в кулак. Голос выровнялся, обрел бы-

люю уверенность и глубину. Слово Божье было прочитано — чисто, правильно, до последней точки. Я спустилась обратно на свою скамью, опустошенная, с горящими щеками и бешено колотящимся сердцем. Но это была победа. Я смогла. Я выстояла на его территории, принесла ему свой самый трудный и самый честный дар — преодоление собственного страха.

Я шла к выходу из костёла, почти не чувствуя под собой ног. Прохладный воздух улицы ударил в лицо, но он не мог остудить тот пожар, который полыхал у меня в груди. В ушах всё ещё стоял собственный дрожащий голос, читавший святы́е строки, а ладони до сих пор помнили холод деревянного амвона. Люди вокруг улыбались, кто-то негромко переговаривался на английском, обсуждая прошедшую службу. А внутри меня была оглушительная, пугающая пустота. «Зачем? — спрашивала я себя, почти задыхаясь от накатившего осознания. — Зачем ты делаешь это? Зачем ты закапываешь себя ещё глубже?». Я убедила себя, что моё служение здесь, на этих камерных мессах — это чистый духовный огонь, жертва ради памяти мамы и искупления холодного брака. Но сегодня, стоя там, наверху, у самого распятия, я больше не могла лгать. Броня рассыпалась в прах. На этих мессах я больше не видела Бога. Вся сакральность этого огромного, величественного храма сузилась до одного единственного силуэта. Молитвы превратились в фон, литургия — в предлог, а Слово Божье — лишь в легальный способ

коснуться его слуха, привлечь его взгляд, побыть с ним в одном сакральном поле. Мой алтарь опустел. Место Всевышнего в моей душе занял молодой ксендз, который просто однажды заметил меня на ступенях старого костёла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.